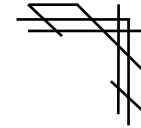

Часть X Киев в 1964-1991 годах

Леонид Ильич радушный,
к землякам равнодушный,
в блажь перерасчетную
дней, истерзанных войною,
Киеву вручил Героя
звание почетное.

Тьму наград, как в тучный нерест,
выдал Петр Юхимыч Шелест
через двадцать годиков
старокиевским лишенцам,
пережившим напасть немцев
без особых подвигов.

Город праздничным елеем
захлестнули юбилеи,
съезды, совещания,
демонстрации, парады,
митинги, спартакиады,
радиовещания.

А по будням и субботам
Киев в “ящиках” работал,
обостряя зрение
армии Союза наций
сетью радиолокаций
с телеуправлением.

Ускорялся темп опасный
сбивки пушек вместо масла.
В косности мышления
на военные доктрины
шли ресурсы Украины,
силы населения.

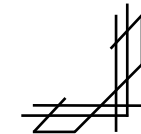
Демократии союзник,
так за мир страдал союзник
соцсодружно-лагерный,
что скрипел щит оборонный
танко-авиационный
и ракетно-ядерный.

И при этом горожане
над копейкой не дрожали.
В те года неблизкие
магазины и базары
цены на сельхозтовары
выставляли низкие.

Киевлянин, как ни странно,
на еду весьма гуманно
кошелек травмировал.
А ему трески печенку,
сливки, колбасу-копченку
неон рекламировал.

Шоколад, консервы, вина
гастрономная витрина
выставляла улице.
Коктейль бары, рестораны
разве что не вскрыли краны
с молоком от курицы.

Только работяга честный
стол не читил деликатесный
с паюсом и палтусом.
Трех рублей ему хватало,
чтоб напиток до отвала
с баклажанным закусом.

Гегемон славянских наций
начал медленно спиваться.
Жизнь уныло-тошную,
без духовного исканья,
обостряла лишь компанья
в кости доминошные.

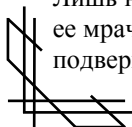
А чего им не хватало
и Политбюро не знало:
бартеры с кредитами
за пушнину, лес, алмазы,
нефть, руду, запасы газа
делали их сытыми.

Вот и отщепенцы чехи
очевидные успехи
в деле соцстроительства
недоверьем огорчили
и единство подточили
братского сожительства.

Нашим западным соседям
морду русского медведя
и лапопожатие
вздумалось сменить приличным
человеческим обличем
в рамках демократии.

Тут Варшавский блок могучий
“мирный” облик свой дремучий
показал с изнанками:
оттепель над Пражским градом
августовским снегопадом
разметелил танками.

Партактив зашторил призму
преломленья к сталинизму
брежневской политики.
Лишь на кухнях диссиденты
ее мрачные моменты
подвергали критике.

В самиздат писал страницы
нобелевский Солженицын,
академик Сахаров.
Нерв Высоцкого гитарный
надрывал мажор фанфарный
политагитаторов.

Те о мире хором пели,
над цитатами корпели,
скисшими от тления,
тезисами докучали
и три года отмечали
день столетья Ленина.

В развитом социализме
воцарился образ жизни
стадопоголовия.
Нарушающих границы
принимали психбольницы
или же Мордовия.

Выдвиженцы в слой карьерный
приучились лицемерно,
раз им честь оказана,
своей думать головою,
говорить совсем другое,
делать – что приказано.

Чтоб у флюгерного нюха
выветрить остатки духа
националистского,
Первым князем Украины
на партийные вершины
возвели Щербицкого.

Тот хозяйственной рукою
финансировал рекою
новое строительство.
Думал с челядью дворцовой
Киев в город образцовый
превратить на жительство.

Вклад вложил в архитектуру пышностью Дворца культуры с суперновой сценою, зданием Укрпрофсовета, комплексом Политпросвета, спортядра ареною.

Засверкало в нем “Динамо” – европейская реклама лидера ЦеКовского. На стотысячном овале кубки кубков добывали хлопцы Лобановского.

Плебс жилых рабочих селищ хлеба требовал и зрелищ – верха удовольствия. Под партийною вертушкой Киев обошел опушкой кризис продовольствия.

Следствием самогипноза в эффективности колхоза (с липовыми справками на всетерпящей бумаге) обесстыдились продмаги голыми прилавками.

За колбасной палкой в стычку пол России в электричку на Москву обжорную в выходные дни погромом устремлялось к гастрономам в очередь позорную.

Киевлянин через кассу покупал спокойно мясо с колбасой засушенной. Лишь на сахар самогонный спрос прижал лимит талонный да на хлеб свиношинный.

На уборку урожая регулярно выезжали горожане лишние. Экс-колхозники при этом заселяли горсовета площади жилищные.

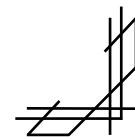
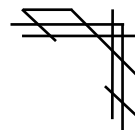
Где паслись бычки и кони на просторах Оболони в радость деревенщине, вырос лес домов бесчисленных призматически-высотных, как и на Троещине.

На пилонах мост Московский перекрыл разлив днепровский Северною трассою. Новой веткой метроостра разобрались под землею с пассажирской массою.

Виноградарь освятили, Харьковский массив намыли спально-летаргический. И под каждый жилоазис подводили прочный базис идеологический.

Подтверждал мифологему, что извечную проблему разрешил жилищную, изменил основы быта Ленин, вставший из гранита копией вторичною.

Тезка-князь с крестом поднятым, накануне круглой даты киевлян крещения, лично из своей подпорки Ильичу отрыв полгорки для музея Геня.

Юбилей тысячелетний
христианства в русской ветви
промелькнул стушевано.
Дату Киева начала
Украина отмечала
театрализовано.

Кий, Хорив и Щек с сестрицей,
ради крупных инвестиций
в юбилей нечаянный
(по сомнительным расчетам),
снова с помпой и почетом
к берегу причалили.

Из блестящего металла
радугую засверкала
им для обозрения
арка над зеленым спуском
в честь украинцев и русских
воссоединения.

В прибыль города на лето
масла подлила бюджету
чаша олимпийская.
Ладан сметного кадила
“Малая земля” родила
подноворооссийская.

Из земли с металлом фарша
вылепился новый маршал –
пятиждыгероишный!
В Киеве к его медалям
специальный трест создали
памятникостроишный.

Мировой войны “ликвидам”,
ветеранам, инвалидам,
в знак благодеяния,
выше Лаврской колокольни
в виде женщины прикольной
встало изваяние.

Ей в опору под ботинки
напихали фотоснимки
в борзоописаниях,
где в полковничьей одежде
бил фашистов маршал Брежнев
на политсобраниях.

Леонид Ильич под старость
вроде помешался малость:
с титулами царскими
“Целиною” “Возрождался”,
орденами наслаждался,
как ребенок цацками.

Уренгоем, Самотлором
укрепляя нефтедоллар,
для Москвы достаточный,
БАМовскою стройкой века
для простого человека
принцип ввел остаточный.

Продовольственной программой
оталонил чернь по-граммной
нормой пропитания,
прививая метастазы
расхищения заразы
ради выживания.

Чувствуя себя неважно,
на душманов арбитражно
с Западом в коллизии,
весь в лампадах и петлицах,
за Афганскую границу
выдвинул дивизии.

Думал без единой пули
Прагу повторить в Кабуле,
да не с теми ссорились...
На кладбище Берковецком
взводы воинов советских
в Бозе упокоились.

Брежнев для добрососедства
не жалел людей и средства
латанной коммуни.
И, когда он сам скончался,
мало кто скорбеть старался
у портретов мумии.

А из горного Афгана
слали “черные тюльпаны”
прах закрытых ящиков...
В судьбы дембелей с недугом
навсегда закрался другом
вороной “Калашников”.

У протонародной смеси
девальвировались в весе
жизненные ценности.
На работе водку пили.
Годы лучшие губили
в воровстве и ленности.

И патрицианства бонзы,
под защитой бюстов бронзы,
Сталиным не битые,
к расхищению таланты
воплощали в бриллианты,
в тайники зарытые.

Ни Андропов, ни Черненко,
в эстафетной пересменке
Брежнева покойного,
не прижгли в душе славянов
язвы внутренних изъянов
времени застойного.

Их лечил бальзам речевый
Михаила Горбачева
нового мышления.
Освежить застой народа
тот задумал кислородом
ветра Ускорения.

В первом шаге ускоренья
задохнулось население
в ветре радиации.
На Чернобыльской АЭСе
вдруг ускорились процессы
ядерной реакции.

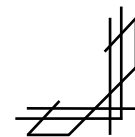
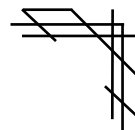
Из ученых сфер новатор
сунул нос свой в мирный атом
с мощностью всеильною.
Над Славутича голгофой
разразилась катастрофа
бомбой хиросимною.

Теледикторы вначале
иронично обличали
бред дезинформаторов.
Из зарплаты по копейке
вымогали партячейки
в пользу ликвидаторов.

Хладнокровьем киевляне
всю Европу удивляли:
в физике профанные,
шлангом пыль со стен смывали,
листья в парках собирали
в тюки целофанные.

Под смертельными лучами
солидарность отмечали
в майской демонстрации.
Ложь газетных сообщений
принимали с ощущеньем
умственной протрации.

Лишь когда народа слуги
отпрысков своих на юге
втихаря пристроили,
беспартийные мамашы
молодую смену нашу
на отъезд настроили.

Кто как мог и чем попало,
на машинах и с вокзала,
племя, пораженное
стронцием, отцы-разини
к родственникам вывозили
с места прокаженного.

Киев, с солнышком приветным,
стал как будто бы бездетным.
Химию опасную
мужики от пошлой жизни
разбавляли в организме
”бормотухой“ красною.

Горбачевским гуманизмом
шла борьба с алкоголизмом.
Втрое вздорожавшую
водку, в озлобленье бурном,
в магазинах брали штурмом
очередь прорвавшие.

Отливать ее обратно
приходилось не бесплатно
влагою безвредною.
Коммунальные сортиры
сняли кооперативы
хваткою арендною.

От киосков и с базаров
из подполья выползала
теневая мафия.
Пополняли ее сметы
с телевидеокассеты
кровь и порнография.

Проститутки, шарлатаны,
рэкетеры, наркоманы,
киллеры и кидалы,
вместо золушек и принцев,
в мозг незрелых украинцев
втискивались в идолы.

Впились, ощущая кризис,
в разрешенный малый бизнес
шефы комсомолии –
порнозалы и сортиры
в русле шли альтернативы
госкоммонополии.

Тех, кто мог по долгу службы
глубину веяний чуждых
проанализировать,
Перестройки неофиты
принялись травить открыто
и терроризировать.

В эМВЭДэ, ГосБезопасность
камень запустила Гласность
строчками газетными.
На их прошлые эксцессы,
как с цепи, сорвалась пресса
темами запретными.

Вдруг на ВэПэКа проказу
хором отпустили мазу
отцы демократии.
Бывшим подвигам в отместку
дружно раскатали кресла
старой партократии.

“Аргументом” крыл “и фактом”
распоясавшийся автор
грязь номенклатурную.
Разыграли, как актеры,
“Взглядом” телерепортеры
пьяску бесцензурную.

В Кремль на бурные дебаты
посъезжались депутаты,
избранные Гласностью.
И пошел процесс трезвона
у экрана с микрофоном
наведенья ясности.

С Горбачевым в диалоге
изошрялись демагоги
в дебрях разбирательства
“кто виновен” и “что делать”,
предлагая переделать
свод законодательства.

Возвестили час заката
славной пролетариата
авангардной гвардии –
отказались впредь всецело
выполнять любое дело
под контролем Партии.

Правили с трибуны тризну
по всему социализму
с хилой экономикой.
На Америку кивали:
к частной собственности звали
с капитальной логикой.

На словесном карнавале
почему-то забывали
коммунисты бывшие,
что Суданы и Непалы
тоже страны капитала,
и при этом – нищие!

Прибалтийцы и кавказцы
пересматривали святцы
общей географии:
их вожди, в своих границах,
размечтались отделиться
от московской мафии.

Им помог в том бесновато
съезд народных депутатов
РэСэФэСээРии.
Там фанаты огласили
суверенитет России
от своей империи!

Президенту Горбачеву
делегаты отрешенно
“импичмент” ускорили.
Уникальным прецедентом
Ельцин стал дубль-президентом
все той же Московии!

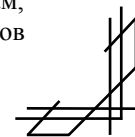
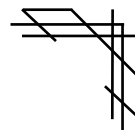
Этот трюк контрабандистский
поздно раскусил Щербицкий:
в беспартийногайковом
беспределе растерялся
и навечно прописался
на кладбище Байковом.

Оценил бардак кремлевский
его Первый зам. ЦеКовский
по идеологии,
что в райкомах и обкомах
зубром слыл на идиомах
школы демагогии.

От Мазепы до Бандеры
лавры гетманской карьеры,
в полной *незалежності*
от имперского диктата,
вызывали в кандидатах
чувство жгучей ревности.

Чтоб не в космос и не в БАМы,
а в партийные карманы
всплыла привилегия
из казны грести доходы,
проводилась тайным ходом
Кравчука стратегия.

Он с улыбкою гурмана
возражал с телеэкрана
украинской *мовою*
диссидентским активистам,
видевшим без коммунистов
Украину новую.

Клялся Богом, зная меру,
что за всю свою карьеру
правду лишь отстаивал,
избегал в быту комфорта...
И чиновничья когорта
на него поставила!

Импозантный и опрятный,
женщинам он был приятный
тем, что чтил семейственность.
За природное здоровье
от крестьянского сословья
не скрывал наследственность.

Голодающим студентам
обеспечил дивиденды
новой олигархией,
ошарашив население
вдруг возникшей из забвенья
РУХовской анархией.

Вне номенклатурных литер
к власти рвался грозный лидер
с западной окраины,
что на *москалів* пархатых
вешал жупел виноватых
в косности Украины.

*З прапором жовто-блакитним,
під тризубом непохитним,*
поводом для паники,
по Крещатику парадом
штурмовать *Верховну Раду*
двинулись жупанники.

Хором исполняли соло:
"Кравчука геть і Масола!"
В водевильной шалости,
повернув к кацапам спину,
самостійну Україну
требовали в ярости.

Демонстрировалась сила
Вячеслава Чорновила
та його прибічників,
от агрессии размаха
вызывая чувство страха
у русскоязычников.

Типы с КаГэБистской рожей
мозг морочили прохожим
гнилостью империи,
в нездоровой клетке края
микроскопом выделяя
русские бактерии.

Против антикоммунистов
вылезли ГэКаЧеПисты
лебединым опусом,
изолировав с утеса
Горбачева у Фороса
нераскрытым фокусом.

Всероссийские ковбои
президента, как герои,
вырвали из бедствия.
Под напором демократов
группа стойких партократов
сбагрилась под следствие.

Под шумок переворота
делегаты-патриоты
в Раде без дискуссии
в меморандумовской мине
незалежність Украине
заявить не струсил.

Самым главным патриотом,
незалежності оплотом,
Кравчука назначили,
перешли на *рідну мову*,
как бы нации основу,
гимн переиначили.

Красный флаг с звездой слитный
заменял *жовто-блакитний*
з *тризубом* в наличии.
Референдум прокрутили,
свои льготы утвердили –
вот и все отличие.

Оставалось присмотреться,
как на это дело Ельцин
будет реагировать,
да и Горбачева стражу
в час Союза демонтажа
деморализировать.

В анекдотной перетруске
белорус, хохол и русский,
как бутылку винную,
“на троих” сообразили
разделить одним усилием
Родину единую.

И Шушкевич простоватый
обеспечил патронатом
заговор поделщиков:
без поклона Горбачеву
в Беловежскую чащобу
пригласил братьевников.

Счел Кравчук тотчас возможным
паном стать ясновельможным
украинской нации,
тет-а-тетною лисицей
Ельцину вставляя спицы
в стадии прострации.

Натянул Борису нервы,
что Второй тот, а не Первый
в русской бухгалтерии,
что “в законе” взять первенство
можно только в президенство
РэСэФэСээРии...

От такого разговора,
подписаньем договора
антиуниатского,
три великих славянина
отделили Украину
от Союза братского.

Ельцин понял, как проспался,
что эСэСэСЭР распался
Кравчуковым норомом.
С Русским царством облегченным
стал он выше Горбачева
беловежским сговором.

А народ понять не может:
чем же в принципе поможет
это разделение
друг от друга не зависеть
и все ж уровень повесить
жизни населения?

С выгодой кому-то дельце
склеили Кравчук и Ельцин
срочностью пожарной.
Впредь судьбу родного края
по “Закону” излагаю
мовою державною.

